
России — жить!

Слово читателя — это всегда слово тревоги, боли и надежды, обращённое к нынешней судьбе России, взгляд в трудное и героическое прошлое нашей страны, попытка разгадать ее будущее. Месяц сентябрь, начало осени — это время очень часто было переломным в истории России. Битва на поле Куликовом, Бородинское сражение, события 1917 года, грозный сентябрь 1941 года, последние сражения Второй мировой войны в 1945-м, трагичная осень 1993-го... В допетровские времена Новый год в России встречали 1 сентября (14 сентября по новому стилю). Что принесёт нам новая осень? Что волнует и занимает наших читателей?

Грозит ли России развал?

Не зная событий прошлого, не уловить смысл происходящего — истина не первой свежести.

Как происходил развал СССР? В конце 60-х — начале 70-х годов руководство СССР взяло курс на достижение военно-стратегического паритета с Соединёнными Штатами Америки. Так наша страна была втянута в чрезвычайно обременительную для ее экономики гонку вооружений, хотя названный паритет был скорее мифом, чем решающим фактором в деле обеспечения гарантированной безопасности. Ведь чтобы держать противника в узде, вовсе не обязательно иметь такую же, как у него, военную дубину, прежде всего это относится к ядерно-ракетной мощи. Историческая практика подтвердила справедливость такой постановки вопроса, и сегодня она является очевидной.

Но вот апологеты военного паритета использовали логику сколь примитивную, столь и убедительную для обывательского сознания: “У СССР должны быть те же типы ракет и в таком же количестве, как у США, аналогичная противоракетная оборона (ПРО), и тогда мы будем несокрушимы и непобедимы”. Но где взять огромные денежные средства, чтобы в кратчайшие сроки догнать, а еще лучше перегнать вероятного противника? Консультанты ЦК КПСС подсказали руководству страны: денег у нас море разлитое, они закопаны в Западной Сибири — имелись в виду богатейшие залежи нефти, которую можно было скоро и дешево обратить в нефtedоллары. Научно-техническая революция подождет, говорили советники Кремля, все средства надо бросить на оборону. Их позиция приобрела особый вес, когда в 1973 году резко подскочили цены на “черное золото”. Лоббисты оборонных ведомств вкупе с агентами влияния из академических институтов (смесь столь же неожиданная, сколь и опасная) добились своего — столкнули экономику СССР на гибельный путь развития. Деньги от продажи нефти, необходимые для развертывания научно-технической революции и внедрения ее достижений в производство, техническое обновление промышленности, в большей части пустили на ветер.

Тем временем руководство США готовилось к решающему удару. “В течение всего 1984 года администрация Рейгана проводила кампанию снижения мировых цен на нефть”, — пишет американский журналист Петер Швейцер в книге “Победа”. Директор ЦРУ Уильям Кейси занимался обработкой короля Саудовской Аравии Фахда, чтобы тот резко увеличил добычу нефти. “В начале 1985 года тайная экономическая война против Кремля начала приносить плоды, — констатирует Швейцер. — В августе 1985 года в сердце советской экономики внезапно был заган нож. Хотя она это не сразу почувствовала. Саудовская Аравия открыла шлюзы и залила мировой рынок нефтью”.

Эта операция, вероятно, не случайно совпала с приходом к власти в нашей стране Михаила Горбачёва, человека, давно связанного с Западом, давно лелеявшего мечту о ликвидации социализма в СССР.

Вследствие резкого снижения цен на нефть удар пришелся в самое сердце. «Финансовый крах советской системы, подстегиваемый оборонным бюджетом Рейгана, был настолько глубок, — делится своими впечатлениями Швейцер, — что в это трудно поверить. Высокие цены на нефть в 70-е были для Кремля манной небесной. Между 1973-м и 1982 годами советские доходы от экспорта энергоносителей возросли в 15 раз, тогда как объем экспорта даже не удвоился. Торговый баланс Советского Союза улучшился на 65% в этот период, позволяя импортировать на две трети больше товаров при сохранении того же самого уровня экспорта. Шокирующее падение мировых цен на нефть повернуло ситуацию в диаметрально противоположную сторону».

К 1985 году доля машин и оборудования в экспорте СССР упала с 21% в 1970 году до 16%. Сужение выхода на внешний рынок потянуло за собой рост внешней задолженности, увеличившейся с начала 70-х годов с 5–7 миллиардов долларов до 29. Накрутка цен давала рост денежных доходов и одновременно била по бюджету. Пробоина, впервые появившаяся в нем в 1980 году, превратилась в солидную дыру размером в 21 миллиард. Под воздействием перечисленных факторов цены на товары быстро росли, увеличиваясь ежегодно на 3,6%, а производство товаров потребления практически было заморожено. Оборот теневой экономики превысил 70 миллиардов рублей. С конца 70-х годов он увеличился более чем вдвое! Теневая армада, вобравшая в себя значительную часть советской партийной номенклатуры, рвалась на свободу из-под контроля государства и правоохранительных органов.

И тогда пришло время атаки на социализм. Средства массовой информации, перешедшие в основном под контроль А. Яковлева, исподволь готовили общественное мнение к государственному перевороту, внушая мысль, что социализм реформированию не поддается.

Так экономика, ориентированная на проедание нефтедолларов, помогла разрушителям СССР. Нефтедоллары вытеснили на обочину научно-техническую революцию, внедрение передовых технологий, выпуск конкурентоспособной на мировом рынке наукоемкой продукции, и в стране расцвел застой.

Многие ученые доказывали, что бочка с тюменской нефтью, относительно дешевой и потому доходной на мировом рынке, не бездонна, падение цены на опьянившее экономику «черное золото» закончится рано или поздно тяжелым похмельем. Видный экономист Станислав Меньшиков писал, что «...даже ЦРУ, а тем более нашим экономическим ведомствам уже к середине 70-х годов было известно, что ресурсы тюменской нефти... имели вполне очерченные пределы». Но советники Брежнева, арбатовы с примакowymi и прочие, гнули свою линию, а те, кто с ними особенно упорно спорил, расплачивались за непонимание (или, наоборот, — понимание?) их «стратегии» потерей работы.

Попав в финансовую кабалу и открывшись мировому рынку, Советский Союз оказался не в состоянии освободиться от своих долгов. Отсюда — неуклонный рост экономической и финансовой зависимости от США. Искусственно завышая курс доллара, США превратили доллар в подобие некоего гигантского пылесоса, втягивающего в себя зарубежные капиталы, сырье и потребительские товары — все, в чем нуждается великая Америка. При этом, чтобы платить по счетам, США достаточно включить печатный станок и в потребном количестве наштамповать зеленые бумажки. Реальные товары обмениваются на бумагу! Таким ловким способом и снимается напряжение с государственного бюджета США и перекладывается на другие страны — Латинскую Америку, Россию.

Несмотря на то, что США не обладают сейчас безраздельным господством на мировом рынке, суть ситуации не изменилась. Доллар был и пока остается законодателем международного валютно-финансового рынка, потому что от поддержки его завышенного курса извлекают выгоду не только США, но и их союзники. Отсюда понятно, почему США смотрят на остальные страны как на свою вотчину и даже не пытаются скрывать этого. Бывший спикер палаты представителей конгресса США Ньют Джингрич как-то громко заявил, что «...только Америка может руководить миром. Америка представляет собой единственную глобальную, всеобщую цивилизацию в истории человечества». Вот так-то!

Долларизация российской экономики, при том, что внутренние цены на сырье у нас были намного ниже мировых, а на ширпотреб — выше, непре-

менно порождает массовый вывоз сырья за рубеж и столь же массовый приток импортных потребительских товаров. И чем более широкий масштаб приобретает подобная “взаимовыгодная” торговля, тем меньше рубль обеспечивается отечественными товарами и тем больше обесценивается. В итоге предприятия обрабатывающей и легкой промышленности лишаются оборотных средств и становятся на прикол. Государство всё глубже залезает в долги к Западу, теряет экономическую независимость и превращается в покорного слугу, снабжающего кредитора всем ему необходимым.

Когда нам твердят каждый день, что вхождение России в мировой рынок (в то же самое ВТО) благо для нашей страны – это лукавство. Архитекторы развала России, так же как и прежние архитекторы развала СССР, знают, что **мировой рынок является благом лишь для сильной экономики, а для ослабленной – это неизбежное закабаление.** В сообщество высокоразвитых государств можно войти лишь при условии развития собственного конкурентоспособного производства. Однако реформаторы делают всё шиворот-навыворот. Подрывая финансы, они разваливают промышленность и бросают обессиленную страну на растерзание мирового рынка. Делается это планомерно, последовательно и, выходит, – сознательно?

В свое время, чтобы покончить с экономикой абсурда, июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС принял целый ряд постановлений, которые, в частности, предусматривали преобразование сложившейся системы цен. Согласно принятой концепции, государство устанавливало цену конечной продукции, а расчеты внутри технологической цепочки переводились на договорную основу, что дало стимул работникам трудиться с меньшими затратами и большей отдачей. Рыночная реформа строилась не на основе стихии, а в рамках государственного планирования. Именно последний фактор и послужил причиной того, что решения Пленума так и остались на бумаге. Укрепление государства противоречило интересам его противников.

А. Яковлев, командовавший в ЦК КПСС средствами массовой информации, организовал яростную пропагандистскую кампанию по дискредитации государственного регулирования, проталкивая идею полного разгосударствления экономики. Эта кампания, искажавшая саму суть перехода к рынку, пишет бывший министр финансов, а затем премьер-министр СССР В. Павлов, стала прелюдией к растаскиванию госсобственности, сигналом к началу, говоря словами Говорухина, “великой криминальной революции”. Таким образом, еще в 1987 году Яковлев проявил себя как выразитель интересов коррумпированной номенклатуры и теневого капитала. Опираясь, как говорит В. Павлов, на “новые политические силы, появившиеся на общественной арене, приложившие колоссальные усилия, чтобы сорвать выполнение постановлений, принятых Пленумом”, Яковлев и его сторонники шаг за шагом расчищали путь стихии “свободного” рынка.

Наиболее красноречивыми примерами деятельности радикал-реформаторов по разрушению государства, или, как они выражались, – разгосударствлению, являются программы “Ускорение” и “Жилье-2000”, безвозвратно унесшие из государственной казны десятки миллиардов рублей.

Росту дефицита товаров, обесценению рубля, разорению бюджета и обогащению “теневиков” немало помогла частичная отмена монополии государства на внешнюю торговлю в 1987 году, в результате чего госпредприятия, кооперативы и совместные предприятия получили право выхода на внешний рынок. Объяснялось это, в частности, тем, что конкуренция с иностранцами якобы простимулирует качественный и производительный труд. Простимулировала... Промышленные товары, драгметаллы, алмазы, лес, нефть и прочее народное добро через край заполнило зарубежный рынок и сбывалось там по бросовым ценам. А свои потребители сидели, как говорится, положив зубы на полку.

Бюджет таял на глазах, но вместо того чтобы остановить беспредел, горбачевцы в конце 1988-го – начале 1989 года еще шире распахнули ворота государства, предоставив право торговли с зарубежьем практически всем государственным, кооперативным и иным общественным предприятиям, объединениям и организациям.

Но чтобы узаконить грабеж страны, надлежало разгромить социалистическую законность, чем и занялись депутаты-демократы, избранные в 1989 году в союзный, а затем в российский парламент. В союзном они сконцент-

рировались в Межрегиональной депутатской группе, а в российском – в Демократической России. Вот тогда-то страна и узнала истинных вдохновителей и толкачей “перестройки”.

Теперь понятно, откуда растут ноги у геростратовских реформ, которые проводили Е. Гайдар, Е. Ясин, Б. Федоров, А. Чубайс, А. Лившиц и другие апостолы грабительского рынка, превращающего Россию в заложницу Запада. То, что маяки демократии ставили перед собой именно такую цель, можно проиллюстрировать некоторыми, как выражаются юристы, вещдоками.

Прежде всего – это темная история, приключившаяся с программой “500 дней”. В ее подготовке по поручению Б. Ельцина участвовали С. Шаталин, Н. Петраков, Г. Явлинский, С. Алексашенко, М. Задорнов, Б. Федоров, Е. Ясин, Н. Шмелев, Е. Гайдар, С. Дубинин, А. Шохин, А. Аганбегян, С. Глазьев, Т. Заславская и другие. Этот труд, который его авторы выдают за собственное оригинальное произведение, на самом деле, как утверждает В. Павлов, является изуродованным вариантом программы, разрабатывавшейся союзной командой, созданной Н. Рыжковым. Попала же она к ельцинистам стараниями Явлинского, умудрившегося подвизаться одновременно в обеих рабочих группах.

По мнению В. Павлова, которое сегодня полностью подтверждается, демократы превратили первоначальный вариант в “типично шоковый сценарий”, чреватый совершенно непредсказуемыми поворотами событий. Скажу больше: полутораговой **скачок в светлое будущее**, который намеревался осуществить Явлинский, по своей философии очень и очень **напоминал страшную чернобыльскую катастрофу**.

Команда Ельцина хирургическим путем убрала из оригинала, разработанного Л. Абалкиным, В. Павловым и другими экономистами, все, что касалось государственного регулирования рыночных преобразований, и практически, что уже очевидно, передала рычаги управления Международному валютному фонду. Что бы сейчас ни говорили авторы “500 дней”, Россия пошла именно по тому пути, который они начертали.

Но если у кого-то еще остаются сомнения, приведем откровение профессора-демократа В. Корепанова, прозвучавшее после государственного переворота в августе 1991 года. Решив, наверное, что с российским государством и патриотической оппозицией навсегда покончено, он, с “болью” глядя на разваливающееся государство, предложил “колонизировать нашу страну на определенное время развитыми странами”. “Сегодня для Запада, – рассуждал профессор, – мы представляем интерес как регион, богатый сырьем и человеческими ресурсами... Естественно, надо обратиться к Западу с просьбой: **прикрепить отдельные республики или регионы к развитым странам. Допустим, Россию – к США и Японии, Украину – к Англии, Белоруссию – к Франции. Понадобится создать смешанную администрацию по управлению колониями**”. Сказано предельно ясно. И планы ведь эти никуда не исчезли.

В нынешнее нестабильное время, когда неизвестно, куда повернется колесо истории, возможно повторение такого сценария. Представим, что может произойти сегодня с наследницей СССР Российской Федерации в случае резкого падения цен на нефть? Лопнет “экономика трубы”, и регионы-доноры с криком “Спасайся, кто может!” побегут на все четыре стороны. Схваченная на живую нитку слабая экономическая ткань России не способна выдержать серьезных потрясений – это факт. Не таков ли итог уготован для России современными либералами, радетелями новой – на этот раз “оранжевой” революции?

И. Болтовский,
журналист,
г. Москва

Медицина рыночная или медицина общественная?

Последние годы в России ознаменовались целым рядом новых рыночных реформ. Активно проводятся реформирование системы жилищно-коммуналь-

ного хозяйства и монетизация льгот пенсионеров, началась реформа системы образования, и вот – реформа здравоохранения набирает обороты.

Замечу, что именно **в отношении этой реформы не обнародовано никаких официальных концепций**. Населению приходится судить о ней лишь на основании не вполне вразумительных фраз о повышении качества медицинского обслуживания. И никто – ни власть, ни общество – за разговорами о реформах не вспомнили, что нынешний год – в известном смысле юбилейный. Ровно 12 лет тому назад, в 1995 году, у нас в стране была введена система обязательного медицинского страхования, и большинство россиян получило страховые медицинские полисы. То есть **у нас уже была осуществлена одна реформа здравоохранения**.

Думается, прежде чем приступать к новой реформе здравоохранения, обществу следовало бы оценить реформу уже проведенную, рассмотреть результаты. При этом следует выяснить, как выглядит эта реформа на фоне тенденций мирового развития, как она согласуется со сложившейся традицией и в какой мере ее разработчики учли накопленный обществом исторический опыт, в том числе и по переходу к рыночной экономике.

Но если произнесено магическое слово “рынок”, то почему бы нам не вспомнить, как народное здравоохранение функционировало в старой дореволюционной России. Может быть, этот опыт был бы полезен нам сейчас?

К середине XIX века положение с медицинской помощью населению в России оставляло желать много лучшего. Хотя существовали губернские и уездные больницы, подчинявшиеся Приказу общественного призрения. Но врачей в них было мало, материальная база была скудная, а количество больничных коек никак не соответствовало численности населения. Усилия отдельных врачей-энтузиастов не могли принести ощутимого результата.

В 1864 году в России началась реформа местного самоуправления. В ходе реформы казенные медицинские учреждения передавались в ведение губернских и уездных земских управ.

Земства энергично взялись за дело и в последующие десятилетия не только реконструировали все доставшиеся им общественные больницы, но и построили множество новых. В результате у нас в стране сформировалась уникальная система земской медицинской помощи населению, основанная на принципе бесплатности всех ее видов.

Согласно закону, земства собирали деньги с владельцев недвижимости и торгово-промышленных заведений. На эти деньги строились больницы, закупалось оборудование и медикаменты, работали врачи и младший медицинский персонал – и **предоставлялись все эти услуги бесплатно в пользование населению**. Граждане получали медицинскую помощь не в силу каких-либо заключенных с ними частноправовых сделок, а, как тогда было принято говорить, в силу публичного права, предоставленного им общественной властью.

Принцип бесплатности, положенный в основу российской общественной медицины, обосновывался тогда целым рядом соображений религиозно-этического и историко-культурного характера. Однако главной причиной утверждения этого принципа явилась сложная санитарно-эпидемиологическая обстановка в стране. Власти давно замечали, что попытки ввести хотя бы минимальную плату за обращение к врачу немедленно приводят к резкому сокращению числа таких обращений. А это не позволяет своевременно выявлять инфицированных больных и пресекать распространение эпидемий.

Руководствуясь такими соображениями, правящие круги стремились привить широкому слою населения привычку обращаться за медицинской помощью в общественные больницы. “Сорок лет пользования исключительно общественной формой врачебной помощи должны были развить в широких слоях населения вместе с укоренившимся навыком сознание своего права на эту помощь... Начало бесплатности быстро вошло в плоть и кровь земской медицины и, вызвав в населении все более растущий спрос на рациональную врачебную помощь, решительно и прочно укрепляло в нем соответствующее сознание своего права”, – писал в 1907 году в журнале “Русское богатство” известный публицист Г. Бердичевский.

В начале XX века русская земская медицина представляла собой очень стройную систему. Все земские губернии были разделены на врачебные участки по 20–30 тысяч жителей в каждом. На таком участке имелась больница с амбулаторией и маленьким стационаром, где были врач, два фельдшера

или фельдшерница и 2–3 человека младшего медицинского персонала. А в отдаленных концах участков существовали фельдшерские пункты – примерно по 2 пункта на каждом участке.

Но участковыми больницами и фельдшерскими пунктами дело не ограничивалось. В каждом уездном городе имелаась уездная земская больница с несколькими специализированными отделениями и, соответственно, с несколькими врачами. В такой больнице было и несколько фельдшеров, а также множество нянек, палатных сиделок и прочего младшего персонала.

Согласитесь, картина для нашего времени просто фантастическая! Нянечек и палатных сиделок сейчас днём с огнём не сыщешь, разве что за огромные деньги.

Сверх того в каждом губернском городе была губернская земская больница, которая представляла собой сложный хозяйственный комплекс.

Вот как описывал уездную земскую больницу М. Булгаков, работавший в молодости земским врачом.

“...о больнице – и говорить не приходится. В ней было хирургическое отделение, терапевтическое, заразное, акушерское. В больнице была операционная, в ней сиял автоклав, серебрились краны, столы раскрывали свои хитрые лапы, зубья, винты. В больнице был старший врач, три ординатора (кроме меня). Фельдшера, акушерки, сиделки, аптека, лаборатория. Лаборатория, подумать только! С цейсовским микроскопом, прекрасным запасом реактивов...”

На примере нашей Александровской губернской земской больницы, находившейся в городе Перми, можно подтвердить эти слова. Пермское губернское земство было сформировано в 1870 году. Тогда же от Приказа общественного призрения этому земству была в весьма запущенном состоянии передана пермская казенная больница. Земство немедленно приступило к ремонту этой больницы, строительству новых корпусов.

Спустя 40 лет на окраине Перми располагался уже целый город протяженностью более чем в версту, где имелись автономный водопровод, своя электростанция, собственный телефонный коммутатор. Автономность систем жизнеобеспечения больницы объяснялась тем, что все технические новшества появлялись в ней раньше, чем были созданы соответствующие общегородские службы. Этот факт может, в известном смысле, характеризовать отношение тогдашней правящей элиты к нуждам общественной медицины. Уже в первые годы XX века в пермской Александровской больнице имелись телефоны во всех корпусах, центральное отопление, ваннные комнаты с душем, водопроводные краны-смесители, электрические стиральные машины, паровые подогреватели для пищи, каталки на резиновых шинах, оборудован рентгеновский кабинет. Многие корпуса этой больницы и сейчас выглядят как на картинке.

В то время было принято считать, что больным, чтобы они быстрее выздоравливали, необходимо как можно больше воздуха. Поэтому потолки в палатах делали в 4, а то и в 5 метров. Воздух там и сейчас хороший, зимой тепло и летом не жарко. А еще тогда считалось, что больных для скорейшего выздоровления нужно хорошо кормить. И, действительно, больных три раза в день плотно кормили. Утром обычно давали кашу, яйца и чай. На обед – суп, каждый день разный, говядину из супа под соусом и какое-либо третье блюдо. На ужин – баранину или селедку с картофелем и чай. Всем больным выдавались больничные тиковые халаты. Все они были обеспечены байковыми одеялами и бельем из полотна и бязи. А вот матрасы набивались мхом, чем достигались, как говорили тогда, теплота и мягкость.

Нашему современнику, гражданину “свободной, демократической” РФ, простому человеку, конечно, не олигарху и не чиновнику, эта картинка может показаться полной фантастикой, взглядом в какое-то “светлое будущее”, но это было наше прошлое... Ещё более будет поражён наш современник, когда узнает, что лечение и все эти блага для больных предоставлялись в то время **совершенно бесплатно**.

А как жили врачи?

Оклад рядового врача составлял 150 рублей в месяц. Этого было достаточно, чтобы снимать **пятикомнатную** квартиру, держать прислугу, или, выражаясь по-советски, домработницу, учить детей в гимназиях, ездить в качестве скромного туриста в Европу. И, разумеется, чтобы выписывать несколько толстых журналов и покупать множество книг.

Служащие больницы периодически получали прибавки к жалованью. Весь ее персонал пользовался ежегодными отпусками и был охвачен пенсионным обеспечением.

В начале XX века от пермской Александровской больницы отпочковались Губернская фельдшерско-акушерская школа и Бактериологический институт Пермского губернского земства. Сама же больница, постепенно развиваясь и совершенствуясь, к 1914 году превратилась в образцовое, благоустроенное лечебное заведение, поставленное, как тогда говорили, на должную высоту врачебной науки. Александровскую больницу показывали иностранцам, они удивлялись и говорили, что ничего подобного на Западе нет.

Добавим, что кроме губернской земской больницы в Перми были и другие медицинские учреждения. Это, прежде всего, терапевтическая и хирургическая больница Надеждинской общины Красного Креста – превосходное специализированное здание, и ныне используемое по своему назначению.

Большие общественные больницы были и во всех других крупных городах России. Что же касается Москвы, то там таких больниц было несколько десятков – например, Первая и Вторая Градские, Мариинская, Солдатенковская, Сокольническая – всех не перечислить. Целый ряд больниц, например Бахрушинская, по собственной инициативе построены московскими купцами. Среди них были и специализированные – например Алексеевская глазная. Основателям больниц даже **не приходило на ум использовать их как коммерческие предприятия для получения дохода**. Построив и оборудовав больницу, купец передавал ее городской Думе для **бесплатного лечения в ней всякого звания людей**.

Так было в “страшной” царской России. В 1934 году Лига Наций рекомендовала систему российской земской медицины как образец для всех развивающихся стран.

Итак, коммерческой медицины в ее развитых формах наша страна практически не знала. Уже в конце XIX века у нас господствовало убеждение, что, в отличие от Запада, в России медицина является не частной услугой и не благотворительностью, а **общественной службой**. Этим обстоятельством и было обусловлено то своеобразное российское почтение к врачам, которое до сих пор проявляется в ходе местных выборов. Этим обстоятельством были обусловлены и те образцы безукоризненного исполнения своего профессионального, гражданского и человеческого долга, которые продемонстрировали миру российские врачи.

А что на Западе?

Веками европейская медицина развивалась стихийно, на чисто рыночных началах. В конце XIX века, когда в России шло интенсивное строительство земских больниц, западная медицина уже приобрела формы, характерные для высокоразвитой системы свободной конкуренции. Медицинская помощь населению была там повсеместно организована по типу частной практики, причем сами эти практики открыто продавались и покупались. В социальной структуре европейского общества врачи занимали свое традиционное место где-то между парикмахерами и адвокатами. Государство же никаких обязательств в сфере здравоохранения на себя не возлагало.

Русские общественные деятели, наблюдавшие в те годы за развитием европейской медицины, отмечали целый ряд ее отрицательных черт, среди которых они особенно выделяли две. Это, во-первых, аморализм, когда врачи объективно не заинтересованы в сокращении заболеваемости и готовы ради заработка лечить даже здоровых людей, и, во-вторых, так называемая “нерациональность”, когда вокруг одного богатого больного хлопочут несколько врачей, а в то же время несколько больных из низших классов практически лишены медицинской помощи.

В 80-х годах XIX столетия в Германии было введено обязательное медицинское страхование фабрично-заводских рабочих, а в последующие десятилетия эта форма социальной защиты распространилась на другие категории работников и была воспринята во всех странах Европейского континента.

Платежи по обязательному медицинскому страхованию входят в систему налогов, и благополучному гражданину, пожизненно пользующемуся такой медициной, может показаться, что он живет в стране с бесплатной медицинской помощью. Однако же на самом деле западная система обязательного медицинского страхования несет на себе родимые пятна коммерческой меди-

цины, из которой она выросла и которой она по сути своей остается. В этой системе задействованы частные страховые компании, частные больницы и частнопрактикующие врачи. Коммерческий, рыночный характер западных систем обязательного медицинского страхования подтверждается и фактами забастовок врачей – явление, которое было немыслимо в условиях российской земской медицины. А главным фактом, подтверждающим платный характер такой медицины, является то, что вскоре после увольнения работника кончается и его медицинская страховка.

Поэтому даже в наиболее благополучных в социальном отношении странах число видов медицинской помощи, оказываемой неимущим, невелико, а качество такой помощи обычно находится на сравнительно низком уровне.

Особняком среди других стран в плане организации здравоохранения стоит Великобритания. Когда после Второй мировой войны к власти в этой стране пришли представители лейбористской партии, они осуществили целый ряд важных преобразований. Наиболее социально значимым из них были национализация медицинских учреждений и создание всеобъемлющей системы бесплатной медицинской помощи. Эта система, получившая название Британской национальной системы здравоохранения, была организована по советскому образцу бесплатной медицины и довольно успешно развивалась. И даже правительство М. Тэтчер не решилось полностью отменить эту систему, введя в неё, правда, множество платных услуг. В результате такой политики образовались длинные очереди и на бесплатный прием к врачу, и на бесплатную госпитализацию, и на бесплатные хирургические операции.

В России пришедшие к власти большевики унаследовали от старого режима систему, во всех отношениях подходящую для функционирования в условиях социализма. Все больницы в провинции и основная масса больниц в столицах были земскими, городскими, или казенными, то есть государственными, либо они принадлежали Обществу Красного Креста или Лиге борьбы с туберкулезом – структурам, тесно связанным с русским государством. Поэтому никакой проблемы национализации медицинских учреждений перед новой властью не стояло.

В послереволюционное время наша медицина продолжала развиваться в русле тех принципов, которые были заложены в основу земской медицины. Несомненно, что в советскую эпоху бесплатная медицинская помощь сделалась еще более доступной для широких слоев населения. Врачей со временем стало в несколько раз больше, а их реальная заработная плата – в несколько раз меньше, чем до революции. Невозможно отрицать прогресс технической вооруженности медицинской службы: уже в 50-е годы экстренная помощь больным в отдаленных районах оказывалась с помощью вертолетов.

В советское время в развитии отечественного здравоохранения постепенно наступил новый этап, а именно: в стране была поставлена и мало-помалу решалась задача диспансеризации всего населения, при которой контролировалось бы здоровье каждого гражданина. Уже в 50-е годы была достигнута всеобщая диспансеризация детей. За состоянием здоровья и развитием каждого ребенка с момента его рождения велось наблюдение и, в случае обнаружения отклонений, принимались необходимые меры, вплоть до отправки на южные курорты. Постепенно налаживалась и диспансеризация взрослых людей. В последние десятилетия советской эпохи на каждого из нас был введен медицинский паспорт, где фиксировались результаты профилактических осмотров, периодически проводившихся врачами-специалистами, в том числе окулистом и онкологом, а также отметки о ежегодном прохождении флюорографических исследований грудной клетки.

В общем, можно сказать, в нашей стране возводилось стройное здание общественной медицины на фундаменте медицины земской. Но это здание было разрушено внезапным ударом.

Это случилось 28 июня 1991 года, когда Верховный Совет РСФСР, или, как его тогда называли, “Российский парламент”, принял закон “О медицинском страховании граждан в РСФСР”. При знакомстве с этим документом, прежде всего, обращает на себя внимание полнейшая отрешенность законодателя от существующих реалий. Это было введение механизма, существующего в совершенно иной социальной системе и никоим образом не связанного ни с действовавшим в этой области предыдущим законодательством, ни с реальными условиями, ни с отечественными традициями, ни с политикой союзных властей.

Вопреки действовавшей тогда Конституции, взамен общественной медицины, основанной на принципах общедоступности и бесплатности, **вводилась платная медицина**, организованная по принципу обязательного медицинского страхования. При провозглашенной в новом законе системе медицинской помощи должна была оказываться человеку не в силу публичного права, то есть не на том основании, что он — нуждающийся в ней гражданин, а на основании частноправовой сделки — договора обязательного медицинского страхования.

Такая система не имеет никакой связи с конституционным правом всех граждан на бесплатную медицинскую помощь. Соответственно, этого конституционного права и нет в социально благополучных европейских странах, где медицина — исконно частное дело, хотя бы и организованное по принципу обязательного медицинского страхования и даже дополненное некоторой государственной благотворительностью для не имеющих страховых полисов лиц.

Стремление законодателя внедрить рыночные отношения в область медицины особенно бросалось в глаза при чтении статьи 24 нового закона, в которой было сказано: “Тарифы на медицинские услуги при обязательном медицинском страховании... должны обеспечивать рентабельность медицинских учреждений”. Вдумайтесь в эти страшные слова! **Если лечить человека “нерентабельно”, значит, его можно бросить без помощи умирать.** Что это, если не фашизм?

Впрочем, весной 1991 года ни радио, ни телевидение, ни газеты, ни журналы не поставили общество в известность о том, какого рода законопроект готовится в недрах российского парламента. Когда же этот закон был принят, никто толком не разъяснил населению его сути, то есть того, что он игнорирует конституционное право каждого человека на бесплатную медицинскую помощь, переводит отечественное здравоохранение на коммерческую основу, а врачей — в категорию работников сферы обслуживания. Нигде не прозвучало серьезных оценок этого закона, а, главное, не было указано, что он находится в вопиющем противоречии с традициями отечественного здравоохранения.

Что же вышло в результате?

По прошествии десяти лет с момента введения этой системы можно со всей уверенностью сказать: никакого улучшения материального положения нашей медицины не произошло. Не стали лучше ни содержание больниц, ни техническая вооруженность здравоохранения, ни его медикаментозное обеспечение, ни, разумеется, материальное благосостояние медицинских работников, которые первыми столкнулись с новой системой. Соприкоснувшись с нею, большинство врачей проявило недовольство столь досадной помехой в выполнении ими своих служебных обязанностей. Ощутили они и сопряженное с реформой снижение своего социального статуса. Все это вкупе с резким падением материального достатка возбудило протесты со стороны медицинских работников. Профсоюзы медиков, вынужденные функционировать в весьма непростой социально-политической обстановке, в целом продемонстрировали верность традициям отечественной медицины. Особого уважения заслуживает позиция большой группы медицинских работников, объявивших себя преемниками Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. Но, в отличие от своих предшественников, они не имеют практически никакого информационного обеспечения и не могут оказать сколько-нибудь заметного воздействия на политику властей.

Согласно новому закону, врачам было предписано требовать от пациентов предъявления страхового медицинского полиса, а тем из них, кто явится без полиса, — отказывать в приеме. Хотя и после внедрения страховой медицины служба “Скорой помощи” оставлена бюджетной, за пределами системы здравоохранения осталась существенная часть населения.

Но даже и для включенных в эту систему граждан медицинская помощь не стала более доступной, чем прежде. Наоборот, появились такие проблемы, которые в прежние, “доруночные”, времена можно было бы счесть за анекдот. Например, всем укушенным клещами людям немедленно вводилась противэнцефалитная сыворотка, и никто не выяснял при этом, энцефалитный это был клещ или нет. Теперь же, прежде чем ввести такую сыворотку, самому укушенному, даже и имеющему на руках пресловутый полис, предлагают исследовать клеща за собственный счет! Так что человеку, у которого не оказалось под рукой денег на это исследование, остаётся только надеяться, что

клещ был не заразный! Вот в такую “русскую” рулетку заставила нас играть наша “демократическая” власть.

Все организации, именуемые у нас патриотическими, громко требуют уважения наших национальных обычаев и традиционных для России нравственных ценностей. Однако о традициях русской общественной медицины в этих кругах нет и речи; по существу, нет речи и о некогда признанной народом святой обязанности общества, каждого его члена, и в первую очередь врача, бескорыстно приходить на помощь болящему ближнему.

Но здесь возникает вопрос, который в XIX веке считался главным вопросом общественной медицины и формулировался так: кто должен платить за охрану здоровья народа? В современных условиях этот вопрос можно сформулировать и так: а на какие же средства содержать систему общественного здравоохранения?

Но сейчас, в отличие от дореволюционного времени, этот вопрос не является главнейшим. Центральная власть в России ныне столь могущественна, что может, если сочтет необходимым, изыскать любые денежные средства. Вопрос состоит лишь в ее политической воле. В подтверждение этих слов можно привести тот факт, что закон “О медицинском страховании граждан в РСФСР”, санкционировавший разрушение нашей общественной медицины, был задуман не позднее 1990 года – то есть именно в тот момент, когда никаких проблем с финансированием медицины не было.

Что же касается конкретных предложений, то наиболее разумным и обоснованным представляется возврат к принципам финансирования, заложенным некогда в основу нашей земской и городской медицины. А именно: к обложению специальным сбором физических лиц – владельцев торгово-промышленных заведений. В наших современных условиях такой сбор, скорее всего, должен был бы выступать в форме **дополнительного налогообложения физических лиц со сверхвысокими доходами**. Думается, что так называемое “мировое сообщество” признало бы такой подход вполне правомерным для России, где никакой политики справедливого распределения доходов не проводилось, а с перераспределением доходов посредством прогрессивного налогообложения было покончено. В таких социальных условиях осуществляемый в той или иной форме целевой медицинский сбор был бы не слишком обременительным для нашей экономической элиты.

В последние годы социально-экономическое положение в нашей стране стабилизировалось, однако уровень, при котором произошла эта стабилизация, не может вызвать воодушевления. Средняя продолжительность жизни в России тенденций к росту не обнаруживает; смертность в крупных городах вдвое превышает рождаемость; заболеваемость инфекционными болезнями продолжает расти. А общество не находит средств даже на самые необходимые социальные программы.

Существующее положение вещей никак не согласуется ни со статьей 25 Всеобщей декларации прав человека, ни с основами нашего конституционного строя. Напомним, что статья 7 ныне действующей Конституции гласит: “Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан...” Слова, слова, слова...

Для того чтобы в современных условиях хотя бы отчасти приблизить нашу действительность к требованиям основного конституционного положения, необходима концентрация национальных усилий на немногих главных направлениях социальной политики. А именно – на реализации, по крайней мере, тех прав, которые четко прописаны в Конституции. Это, прежде всего, гарантированное статьей 41 Конституции право каждого гражданина на медицинскую помощь, для осуществления которого у нас в стране сохранилась определенная материальная база, квалифицированные кадры и давние традиции.

В. Красавин,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник,
г. Пермь

Борис Калиничев — нетипичный генерал

Помню, в один из пасмурных дней поздней осени 2004 года сотрудники издательства, разместившегося рядом с кабинетом, где ютилось Ставропольское краевое отделение Союза писателей России, огорошили меня новостью: приходил интеллигентный улыбчивый человек, представился... вице-губернатором! Интересовался, как живут писатели, в чем нуждаются. Хотел пообщаться с ними и явно огорчился, что мало кого застал.

В наше время это было незаурядным событием. Редко наши нынешние власть имущие удосуживаются снисходить к общественной организации. К тому же не по каким-то “государственным” делам, а просто так. Познакомиться. Поговорить. Послушать, наконец, людей, понимающих в этой жизни отнюдь не меньше, чем они.

В канувшем в Лету Советском Союзе краевая писательская организация была весьма авторитетной, ее руководитель Иван Кашпуров, как говорится, ногой открывал двери в кабинеты первых лиц, выбивал средства и на издание книг, и на поощрение членов творческого союза. Писательские бригады с удовольствием встречали в хозяйствах, на полевых станах, кошарах, предприятиях. Писательское слово было востребовано, к нему прислушивались и внизу, и наверху.

Но с распадом страны и установлением нового порядка всё поменялось. Было похоже, что на смену грамотному, культурному и читающему обществу пришло циничное, беззащитно-безграмотное, кичащееся уголовным лексиконом и неформальной лексикой, готовое на всё ради денег, тщеславное общество явного неравенства. О писателях забыли, серьезная литература стала словно бесполезной в новой жизни. Всё было подчинено пресловутому “выживанию”.

У новой власти денег на литературу не находилось, и мы к ней перестали обращаться. Пошли в народ. К тем, кто умудрился разбогатеть. Трудно, но находили меценатов. Изданные мизерными тиражами книжки говорили, что мы живы еще, но не пора ли власти подумать о силе слова? О том, каким вырастет новое поколение, стремительно скатывающееся к образу Элочки-людоедки...

Но другие заботы были у избранных.

Но именно в это время начала расти численность писательской организации! Теперь в нее вступали не за льготами и благами, а бескорыстно желая принадлежать к профессиональному цеху. Медленно, но неуклонно писатели и власть все более и более расходились в своих чаяниях. Вот почему появление в помещении писательской организации недавно назначенного на должность второго лица в крае генерал-лейтенанта в отставке Бориса Геннадьевича Калиничева стало событием явно незаурядным.

Я позвонил вице-губернатору. Назвал учтивой секретарше должность и фамилию и приготовился выслушать уже привычную фразу о занятости ее шефа, но, к удивлению, вдруг услышал дружелюбный голос:

— Здравствуйте, Виктор Николаевич. Хорошо, что вы позвонили. Я вот заходил, хотел встретиться с писателями, но не получилось. Давайте подходите, поговорим... сегодня, после шести...

И вот мы уже оценивающе присматриваемся друг к другу: кем станем — союзниками, противниками, найдем ли общий язык?

Признаться, не так легко было избавиться от настороженности, все-таки мы из разных сословий, он из того, где послушной список и дисциплина формируют человека, я — из вечно саркастически настроенных к любой власти литераторов.

— Не получилось встретиться раньше, — начал разговор Борис Геннадьевич, — но я посмотрел, где вы располагаетесь. Первым делом решил познакомиться с писателями. Интересно пообщаться с творческими людьми. Для меня эти края новые, хотя вашего губернатора давно знаю, ещё когда он депутатом Верховного Совета был. Он тогда на Байконур приезжал в составе делегации, там познакомились. Вот пригласил поработать, край интересный, потенциально богатый...

Он говорил откровенно, мягко улыбаясь и внимательно наблюдая за реакцией собеседника. И никак не походил на знакомых мне современных кадровых военных, и тем более на высокопоставленных чиновников. Разве что только на

одного, знакомого мне по молодости, истинно интеллигентного и эрудированного преподавателя военной истории, потомка еще царской военной династии.

Он рассказывал о себе, предупреждая неизбежные при знакомстве вопросы, и интересовался, чем живут, о чем думают писатели Ставрополя. Сказал, что дружен с главным редактором журнала “Наш современник” Станиславом Куняевым, с удовольствием бывает в Доме писателей в Москве на литературных вечерах. С книжной полки снял то, что, на его взгляд, объединяло “инженеров душ” и военных инженеров, к которым относился, – книгу, рассказывающую о строительстве Байконура, одним из инициаторов издания которой являлся он сам.

Не люблю чиновничьих кабинетов, в них витает дух снобизма. И чем выше чин и больше кабинет, тем концентрированнее, удушливее эта отторгающая все живое атмосфера. Но в тот раз всем своим видом, незатейливым и неторопливым разговором Калинин разрушал этот стереотип. Мы проговорили в тот вечер довольно долго, расстались с ощущением неизбежности новых встреч и разговоров, найдя общие темы и интересы. На прощанье Борис Геннадьевич подарил мне ту самую книгу о Байконуре.

Стоит сказать, что без подарков редко удавалось уходить из этого кабинета. Хозяин его щедро делился тем, чем владел сам. Благодаря щедрости генерала я познакомился с записями замечательного голоса исполнителя романсов Александра Подболотова, стал обладателем уникальной книги о Николае Рубцове...

И был еще один грандиозный подарок, который получила местная интеллигенция. Борис Геннадьевич, несмотря на военную биографию, стал миротворцем в спорах и конфликтах. Между руководителями. Между всякого рода спорящими и не находящими взаимопонимания творческими организациями. Местная элита ревниво следила, подмечая промахи и успехи вице-губернатора. У него появились сторонники и, естественно, противники, ибо редкий конфликт разрешается к обоюдному удовольствию сторон.

У ставропольского губернатора началась череда зарубежных командировок, и Калинин оставался за него. И на этот период как раз выпала вылазка боевиков в соседней республике! Тут я увидел военного, генерала. Его кабинет стал военным штабом. На большом столе для совещаний была развернута карта. На ней отмечен населенный пункт, в котором шел бой. Непривычно возбужденный Борис Геннадьевич постукивал обратной стороной остро заточенного карандаша и говорил о том, что хотя сомнений нет, что боевики будут уничтожены, нужно быть готовыми ко всему, поэтому уйти сегодня домой не придется. И было очевидно, он готов принимать решения, готов к любому развитию событий и уверен в себе. Тогда я понял: эта ситуация, требующая предельной концентрации сил, ему хорошо знакома.

И все-таки даже в такие напряженные дни он обязательно касался приятной ему сферы искусства. Он уже побывал в театре, познакомился с труппой. Познакомился и кое с кем из писателей и был уверен, что потенциал писательской организации краевым правительством не используется. Посодействовал приезду в край членов редакции крупнейшего в России литературно-художественного журнала “Наш современник”, встретился с творческой интеллигенцией. И это несмотря на свою занятость иными, прежде всего экономическими, проблемами.

Генерал не скрывал своих взглядов на то, что Россия не должна копировать Европу, у нее своя история, свое предназначение. Его можно было бы назвать славянофилом, если бы это слово было опять в ходу. Он же считал себя патриотом страны, владеющей богатейшим не только материальным, но и духовным ресурсом.

Постепенно Калинин набирал политический вес в крае, переходя из категории чужака, которых в крае очень не любят, в категорию почти своих. Невозвратно приближалось время истечения срока полномочий губернатора, и карта вице-губернатора тоже стала разыгрываться в колоде претендентов...

Но, я думаю, он скоро понял особенность местного менталитета. Всего пару веков назад на этих просторах выходцам из России помогало выжить прежде всего родство, крепкая дружба. Клановая организация взаимоотношений горцев в какой-то мере была перенята и переселенцами из Центральной России, казаками, проверена беспокойными годами. Закрепляясь из поколения в поколение, вера в плечо родича или друга дожила и до наших дней.

Житель приграничных районов прагматичен. Но совсем не по-европейски. Его прагматизм лежит не в плоскости прямой экономической выгоды, а в формировании надежного, верного окружения. Это ценится выше способностей, умения, даже служебного рвения. А Калиничев всё же был чужак. И не интриговал он, и не подсиживал губернатора (хотя об этом слухи распускались), понятие офицерского слова, чести для него было свято. В первые месяцы своей работы он часто повторял: "...согласился, чтобы помочь вашему губернатору, который, несмотря ни на что, Россию и свой край любит..."

После переназначения, хотя и не без скрипа, старого губернатора генералу поручили заняться подготовкой документов для открытия экономических зон, этакого краевого Клондайка. Теперь стол Калиничева был завален толстенными папками, которые сами по себе без пояснений свидетельствовали об объеме работы. Другими вопросами заниматься времени почти не оставалось, но он не уходил от нехарактерных и не относящихся напрямую к служебным обязанностям вопросов, был в курсе культурных событий.

Наметили создать мощную индустриальную базу рядом с Невинномыском, но не решили вопросы с выделением земли (чиновничья медлительность). Но идею не оставили, прекрасно сознавая, что есть еще один настоящий бриллиант в краевом ожерелье – кавказские Минеральные Воды. Нынче, пожалуй, это единственная в стране оздоровительная зона подобного масштаба (более ста санаториев). Последние годы в числе отдыхающих здесь все больше и больше становится краснодарцев и жителей Сочи, черноморская здравница за годы рыночных реформ превратилась в зону развлечений, разрыв и опыт врачевания, и кадры. Так, во всяком случае, считают побывавшие на курортах Кавминвод. Подготовка проекта была сродни планированию масштабной войсковой операции, требовала изучения колоссального объема информации, глубокого анализа и неожиданных, но обязательно выигрышных предложений... и это было ему хорошо знакомо и интересно...

Калиничев исправно тянул ляжку, страдая за свой край, за общество, в котором становилось душновато жить... Нужно было найти отдушину, откуда тянул бы освежающий и обнадеживающий ветерок. И для него такой отдушиной была великая, мудрая и вечная страна Поэзии... А в этой стране – несколько титанов. А может быть, просто родных по духу. И в их числе – Николай Рубцов. Вспоминается, как прохладным февральским днем 2006 года к краевому драматическому театру потянулась необычная публика. Она вошла в себя и тех, кто не пропускал театральных премьер, и тех, кто бывал в этом здании только на официальных мероприятиях, и тех, кто являлся сюда по случаю... На этот раз шли они не на спектакль, не на торжественное заседание и даже не на выступление заезжих гастролеров. Их собрала реализовавшаяся идея Бориса Геннадьевича Калиничева: вечер, посвященный русскому поэту Николаю Рубцову.

И это было не первое подобное событие: несколькими месяцами раньше Ставрополь, известный более как город, связанный, прежде всего, с именем Лермонтова, неожиданно для многих вошел в число городов, отметивших большим вечером юбилей еще одного русского поэта – Сергея Есенина. Идея и организация принадлежали Калиничеву...

В далеком от Вологодчины южном Ставрополе, под сводами драматического театра, при полном аншлаге звучало:

*Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризной,
Я буду скакать по следам миновавших времен...*

Более пяти часов шло действие, которое не покинул ни один человек. Начавшееся с композиции-спектакля, рассказывающего о судьбе поэта и его стихах, оно получило продолжение в высокодуховном разговоре о поэте, его творчестве...

В тот вечер гостями ставропольцев стали: главный редактор журнала "Наш современник", друг Рубцова, писатель и поэт Станислав Куняев, народный артист России Александр Михайлов, исполнительница народных песен, заслуженная артистка России Татьяна Петрова, популярный эстрадный певец Александр Барыкин, замечательное трио "Реликт", композитор, посвятивший

свою жизнь сочинению музыки на слова поэта Рубцова, Александр Морозов, основательница музея Николая Рубцова в Москве Майя Андреевна Полётова и дочь поэта Елена.

Это была незабываемая встреча с прекрасными словами, проникновенной музыкой. Это было ненадуманное единение всех собравшихся, сотворённое словом Поэта и желанием поделиться своей любовью к нему устроителя вечера Бориса Геннадьевича Калиничева.

И вот он сам поднялся на сцену и признался в своей любви к Рубцову, к Поэзии, во всемогуществе которой нисколько не сомневался, и, подтверждая, что знает наизусть множество стихотворений, прочел несколько своих любимых из русской, арабской поэзии...

Спустя пару месяцев Борис Геннадьевич попросил меня зайти к нему, посоветоваться. Поговорив о делах, вернулись к прошедшему событию. Он показал смонтированный видеофильм, квинтэссенцию прошедшего вечера. Обсудили его, совпадая во мнениях.

— Будем отдавать на Центральное телевидение. Я уже показывал, замечания сделали, доделаем и предложим снова. А ведь неплохо, верно?

Фильм был действительно на уровне и передавал ощущение причастности к духу и слову русской поэзии.

На вопрос, будет ли продолжение праздника души, он, не сомневаясь, сказал:

— Будет. Хоть и трудно все далось, но еще один вечер, о Тютчеве, мы сделаем. И он будет не хуже, я в этом уверен... Это ведь какой глубокий русский поэт...

Этот вечер планировался на нынешнюю зиму...

Сообщение в краевой газете было коротким и констатировало, что вице-губернатор Борис Геннадьевич Калиничев уволился по собственному желанию и по состоянию здоровья. Не могу комментировать это увольнение. Но могу констатировать: от кого бы ни слышал, и с кем бы ни делился этой нерадостной новостью, будь то писатели или работники аппарата, причем не самого маленького чина, реакцией было искреннее сожаление. А одна знакомая, работник культуры с большим стажем, перевидавшая немало всяких-разных руководителей, не сдерживая эмоций, высказала мнение большинства: “Был в нашем правительстве единственный человек такого ранга, понимающий значение культуры, показавший, что и как надо делать, продемонстрировавший, что может искусство, каков его потенциал, — и того ушли...”

Но думаю, что Борис Геннадьевич, наш дорогой генерал, утратив пост, не потеряется в этой жизни. Насколько я смог его понять, он еще многое сделает для того, чтобы во власти появлялись люди, похожие на него. И совсем не обязательно, чтобы они, как он, знали сотни стихов наизусть, главное, чтобы они понимали: бескультурье никогда не приведет к благосостоянию.

В. Кустов,

ответственный секретарь краевого
отделения СП России,
г. Ставрополь

“Артиллерия должна жертвовать собою...”

В сентябре этого года исполняется 195 лет со дня славного для России Бородинского сражения. Это последняя круглая дата перед 200-летним юбилеем, который мы встретим в 2012 году. Много написано о 1812 годе и о его героях, но вот хочется вспомнить самого молодого генерала русской армии, героически погибшего при Бородине, которому в момент смерти не было и 28 лет... **Это — командующей артиллерией русской армии генерал Александр Иванович Кутайсов.**

Интересно происхождение героя. Его отец во время очередной русско-турецкой войны 1768–1774 годов оказался в русском плену после взятия крепости Бендеры в сентябре 1770 года одиннадцатилетний смысленный турчонок был подарен Екатериной II своему сыну — великому князю Павлу Пет-

ровичу. Имя Иван мальчик получил при крещении в православную веру, отчество Павлович от крестного отца, фамилию – по месту своего рождения, городу Кутая (Кютахья).

Будущий российский император часто играл с веселым подвижным турочком, к которому искренне привязался. Впоследствии крещёный турок обучен был парикмахерскому искусству. Павел, став императором, не забыл своего товарища по детским играм. Из придворного брадобрея Иван Павлович Кутайсов в короткий срок становится графом, камергером, обладателем огромных поместий, одним из самых богатых людей Российской империи.

Из всех принадлежавших ему поместий он больше всего любил свое подмосковное имение Рождествено (ныне находится в Истринском районе). Здесь он построил храм во имя Рождества Христова, где и был по кончине погребен вместе с супругой.

От своей супруги Анны Петровны Резвой он имел четырех детей – двух дочерей и двух сыновей.

Дочери Кутайсовых вышли замуж за знатных людей своего времени: старшая Мария – за графа В. Ф. Васильева, Надежда – за князя А. Ф. Голицына.

Старший сын Павел, как и отец, достиг высоких придворных чинов: он стал обер-гофмейстером (1834), действительным тайным советником, сенатором (1817), членом Государственного совета (1837); входил в состав Верховного уголовного суда над декабристами. Был покровителем искусств, знался с Пушкиным.

Младший сын Ивана Павловича Кутайсова, Александр, согласно дворянской традиции, в январе 1793 года, на десятом году жизни, был зачислен вице-вахмистром в лейб-гвардии конный полк. Через одиннадцать месяцев был произведен в вахмистры (унтер-офицеры, то есть сержанты в русской кавалерии). В январе 1796 года Александр был зачислен сержантом в старейший пехотный полк Российской императорской армии – лейб-гвардии Преображенский. Сразу же был переведен в Великолуцкий пехотный полк в чине капитана армии.

В сентябре 1798 года, когда Павел I уже был на престоле Российской империи, четырнадцатилетний Александр Кутайсов получил должность генерал-провиантмейстера-лейтенанта. Эта должность соответствовала чину VII класса Табели о рангах (подполковника армии или капитана гвардии).

В январе 1799 года в возрасте пятнадцати лет, когда для молодых дворян в конце XVIII – начале XIX вв. только начиналась фактическая военная служба, Александра произвели в полковники и назначили в лейб-гвардии артиллерийский батальон. В русской армии это была первая сформированная в 1796 году самостоятельная гвардейская артиллерийская воинская часть. Она состояла из нескольких артиллерийских рот. Командир каждой из них мог иметь чин полковника. Судьбоносный перевод юного Александра в артиллерию совершился благодаря стараниям дяди, родного брата его матери – полковника артиллерии Дмитрия Петровича Резвого.

Он был известен как боевой штабс-офицер, проявивший храбрость при штурмах Очакова и предместья Варшавы Праги. В октябре 1799 года за боевые отличия в ходе Швейцарского похода Суворова Д. П. Резвой удостоился чина генерал-майора.

Д. П. Резвой рассказами о походах и боях увлек своего племянника на военное поприще. При поддержке дяди Александр упросил отца о назначении на службу в артиллерию. И здесь судьба свела его с известным Алексеем Андреевичем Аракчеевым. Пятнадцатилетний полковник Александр Кутайсов начал действительную военную службу в гвардейской артиллерии адъютантом генерал-лейтенанта А. А. Аракчеева, любимца Павла I.

В январе 1799 года Павел I повелел Аракчееву "...присутствовать в Военной Коллегии, а в артиллерийской экспедиции быть главным присутствующим". Известный военный историк, исследователь загадочных и малоизвестных страниц военной истории России А. Б. Широкопад пишет:

"С этого момента и в продолжение всего царствования Павла I, а затем и Александра I Аракчеев руководил русской артиллерией. Исключение составляет небольшой перерыв после смерти Павла... до мая 1803 года, когда Аракчеев жил отшельником в своем имении в Грузино. 14 мая 1803 года отставной генерал-лейтенант вновь был принят на службу с назначением ин-

спектором всей артиллерии... Аракчеев... проделал титаническую работу, расчистив "авгиевы конюшни" времен Екатерины, реорганизовал русскую артиллерию".

Талантливый и любознательный от природы, Александр Кутайсов с большим старанием изучал артиллерийскую науку и практику применения артиллерии. Обладая отличными способностями, молодой полковник быстро освоил профессиональные знания и навыки. При исключительно строгом и требовательном к службе начальнике, каковым был Аракчеев, Александр вполне достойно занимал вверенную ему должность. Поэтому в период опалы Аракчеева полковник А. И. Кутайсов оставался на своей должности и у нового инспектора артиллерии А. И. Корсакова. Более того, 24 июня 1801 года молодой полковник был введен в состав "Воинской комиссии для рассмотрения положения войск и устройства оных".

Вместе с дядей он вошел в подкомиссию по артиллерии. Эта подкомиссия создала первую в России комплексную систему артиллерийского вооружения: определялись меры производства, снабжения, ремонта, порядок обучения и боевого применения артиллерии как важнейшего рода войск. Данная система именовалась "системой 1805 года", или "аракчеевской". В 1807 году Александр I произвел Аракчеева в генералы от артиллерии.

Следует подчеркнуть, что русская полевая артиллерия в сражениях 1807–1815 годов отличалась блестящими успехами. В этом была немалая заслуга А. И. Кутайсова, о чем еще будет сказано.

В конце 1806 года артиллерийский полк под командованием А. И. Кутайсова в составе корпуса генерала от инфантерии графа Ф. Ф. Буксгевдена совершил поход в Пруссию. Здесь 14 декабря в бою под Голмином состоялось боевое крещение 22-летнего генерала, который в сложной боевой обстановке проявил себя с наилучшей стороны: искусно применяя артиллерию, не допустил огневого превосходства противника.

Но настоящее его рождение как полководца состоялось 27 января 1807 года при городе Прейсиш-Эйлау (ныне Багратионовск Калининградской области). Здесь состоялась, по оценке выдающегося советского историка академика Тарле, "одна из самых кровопролитных битв того времени, превосходящая в этом отношении почти все сражения, данные Наполеоном..."

Французской армией командовал Наполеон лично. Действующими в Пруссии союзными войсками командовал генерал от кавалерии немец Беннигсен.

Всеи артиллерией русской армии командовал генерал-майор Д. П. Резвой, артиллерией правого фланга русских войск – генерал-майор А. И. Кутайсов.

Утром 27 января французы с целью отвлекающих действий атаковали правый фланг русских войск, не достигнув успеха. Кутайсову удалось определить цель этих действий французов. Поэтому к полудню он прибыл в центр позиции русских войск и стал внимательно наблюдать за ходом битвы с одной из артиллерийских позиций.

Убедившись, что Наполеон основной удар нанесет на левый фланг русских войск, Кутайсов стремительно прибыл на угрожаемый фланг. Около 13 часов дня гренадеры маршала Даву, сомкнувшись в пехотные колонны и перебросив ружья с примкнутыми штыками "на руку", решительно атаковали левый фланг. Нарастивая силу удара, Даву отбросил войска генерал-майора А. И. Остермана-Толстого. Русские ввели в бой резервы, но это не спасло положения, путь отхода русской армии был блокирован.

В это время восьмидесятитысячная русская армия осталась без своего командующего Беннигсена. Он заблудился, пытаясь пробиться к своему левому флангу. Наполеон и его генералы не знали этого.

Сложилась критическая ситуация для русских войск. Нужно было что-то делать, проявить волю и решительность. Кутайсов приказал срочно привести с правого фланга три конно-артиллерийские роты. Он лично повел их на выручку истекавшим кровью войскам. 36 конных артиллерийских орудий мощным картечным залпом почти в упор опустошили первые ряды французских гренадеров, сразили многих командиров. Противник был ошеломлен и начал отходить.

Это было первое серьезное поражение, понесенное лично Наполеоном от русских. Всю победу приписал себе "заблудившийся" в разгар боя Беннигсен.

Впрочем, и Кутайсов не остался незамеченным. Он был награждён орденом Святого Георгия 3-го класса – сразу через четвёртую степень этого ордена.

И хотя в целом эта война кончилась для России неудачно, Беннигсен умудрился начисто проиграть Наполеону генеральное сражение под Фридландом, но Кутайсов даже в этом злосчастном сражении сумел подавить огонь неприятельских батарей, а при переправе через реку Алле успешно перевел всю свою артиллерию на другой берег. Он был снова награждён – шпагой с алмазной рукоятью и гравированной надписью “За храбрость”.

Был подписан тяжёлый для России Тильзитский мир с Наполеоном. Кутайсов получил длительный отпуск и отправился в поездку по Европе “для лечения”. Мы видим его в Вене изучающим турецкий и арабский языки, в Париже – изучающим математику, архитектуру, фортификацию и артиллерию, особенно баллистику, теорию которой он практически проверял на полях сражений. Он встречается с французскими генералами и политиками, ведёт с ними частные беседы. Так он “лечится”. Скорее, такое лечение похоже на работу агента русского генерального штаба, разведчика, тщательно прощупывающего и изучающего возможного противника.

Во всяком случае, после возвращения из долгой заграничной поездки Кутайсов написал свой основной труд “Общие правила для артиллерии в поле-вом сражении”, где он обобщил опыт войны и дал передовые по тому времени рекомендации по применению артиллерии и реорганизации этого рода войск. Правила эти поступили в войска перед началом новой войны с Наполеоном и осваивались русскими артиллеристами уже в ходе боев. Надвигался роковой 1812 год.

Полчища Наполеона рвались в глубь России. Дважды артиллерия Кутайсова останавливает продвижение врага – в сражениях под Витебском и под Смоленском. Молодой генерал всегда в самой гуще боя.

Прибывший в расположение русских войск в Царево-Займище под Смоленском Кутузов назначил Кутайсова начальником всей артиллерии русской армии. Во время представления генералов главнокомандующему Кутузов, зная храбрость Кутайсова, лично просил его беречь себя и помнить, что от него в сложнейших условиях зависит успешное применение русской артиллерии.

Накануне Бородинского сражения Кутайсов целый день на позициях: проверяет расположение артиллерийских рот (батарей), огневую позицию каждой из них, уточняет секторы обстрела, создает сильный и мобильный артиллерийский резерв, организует доставку к каждому орудью оптимального боекомплекта выстрелов.

25 августа, в воскресенье вечером, во все артиллерийские роты был доставлен знаменитый приказ начальника артиллерии. Кутайсов писал: “Подтвердить от меня во всех ротах, чтоб они с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем господам офицерам, что, отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собою; пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея, которая таким образом будет взята, нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий”.

Этот приказ в очередной раз подтвердил мужество Кутайсова. Дело в том, что накануне битвы Кутузов получил рескрипт Александра I, в котором император запрещал награждать артиллерийских офицеров, потерявших свои орудия во время боя. По своей сути приказ Кутайсова и рескрипт императора совершенно противоположны. Один призывает артиллеристов к смелости, другой (если бы была выполнена императорская воля) обрекал артиллерию на пассивность.

В Бородинском сражении русские артиллеристы показали образцы мужества. Они до конца исполнили приказ своего легендарного начальника.

В день Бородина Кутайсова видят объезжавшим батареи, руководившим огнем русской артиллерии. Он и на левом фланге, откуда началась битва, и на флешах, и на командном пункте Кутузова. Отсюда, перед полуднем, Кутайсов присоединяется к генералу А. П. Ермолову, которого Кутузов направил на левый фланг. Там сложилась критическая обстановка. Французы подтянули новые батареи и усилили артиллерийский огонь. Ранен генерал Сен-При, убит генерал А. А. Тучков. Войска начали отход.

Непрерывный артиллерийский гул покрывал шум пехотного боя и топот кавалерии. Артиллерия активно заявляла о своей роли.

7-й корпус генерала Н. Н. Раевского встал на пути главного удара французов. На “курган Раевского” Наполеон сосредоточил огонь основной массы своей артиллерии, на его захват бросил отборные дивизии, втрое превосходившие по численности силы защитников. Стволы батареи Раевского раскалились докрасна.

Когда французы уже хозяйничали на Курганной высоте, Кутайсов, как и во время битвы под Прейсиш-Эйлау, взял три конно-артиллерийские роты и, развернув орудия, сразу же открыл огонь. Затем на своем скакуне помчался в атаку на захваченную французами батарею. За ним – отступавшие до того пехотинцы. Французы яростно сопротивлялись. Русским пришлось штурмовать крутые скаты Курганной высоты. Этот, как называли французы, “центральный редут”, “большой редут”, “роковой редут” переходил из рук в руки. В результате батарея Раевского была отбита. Кутайсов был убит близ редута, его лошадь возвратилась одна...

Предполагают, что Кутайсов был убит ядром, поразившим его в шею и грудь. Солдаты и офицеры, которые были рядом с Кутайсовым, не смогли вынести его тело. Успели только снять с его мундира орденские знаки и золотую саблю, так как французы нахлынули вновь. Боевые товарищи, Россия не могли предать земле с честью тело Кутайсова. Его не доискались под грудями убитых. Потомкам неизвестны ни место гибели генерала-героя, ни точные обстоятельства, при которых это произошло.

Оценивая роль русской артиллерии и её начальника в Бородинском сражении, Кутузов в донесении Александру I о сражении при Бородине писал: “Артиллеристы с мужественным хладнокровием, выждав неприятеля на ближайший картечный выстрел, открыли по нем сильный огонь... к большому для всех сожалению, лишились мы достойного генерала от артиллерии Кутайсова, который при взятии батареи был убит...” Этот документ не датирован.

А вот что писал фельдмаршал в своём письме отцу Александра Ивану Павловичу Кутайсову.

“Милостивый государь мой граф Иван Павлович, несколько дней уже прошло, как получить я имел честь письмо Вашего сиятельства, и доселе не смел приняться за перо, дабы не быть первым горестным вестником родительскому Вашему сердцу. Если общее участие, приемлемое всею армиею, в значительной потере, сделанной на поле чести... может усладить хотя несколько живую скорбь Вашу, то примите, Ваше сиятельство, уверение в таковых же чувствах имеющего быть с отличным почтением Вашего сиятельства вечно скорбным слугой князь Михайло И. Кутузов”.

Так и не найдено было тело генерала Кутайсова, как и тело генерала Тучкова. Так многие тысячи безвестных тел наших воинов остались погребёнными в братских могилах безымянными. Но могилой им всем и памятью им всем служит само поле Бородина – “поле чести”, как сказал Кутузов. Поле чести для нас – вся Россия. Живи, Россия!

А. Ждановский,
историк, полковник в отставке,
г. Москва